

ДИАЛОГ, КОТОРЫЙ ДЛИЛСЯ ВСЮ ЖИЗНЬ

ЧИТАЯ ПИСЬМА,
ДНЕВНИКИ,
ВОСПОМИНАНИЯ
АСПАЗИИ
И РАЙНИСА

РАЙНИС. Глубокоуважаемая госпожа Розенберг! Сегодня мне случайно стало известно, что Ваша новая драма «Потерянные права» цензурой разрешена... Если это известие для Вас уже не ново и потому малоинтересно, надеюсь обрадовать Вас другой новостью, а именно — направляю Вам только что вышедшие «Мысли о латышской литературе» Янсона.

Уважающий Вас Плиекшан.
Редакция «Диенас лапа».

АСПАЗИЯ. Уважаемый господин редактор! Благодаря за сообщение, хотя мне оно уже известно, а также за брошюру Янсона, которую, впрочем, автор подарил мне сам, а более всего за то, что не забыли меня окончательно, это меня тронуло. Глубоко уважающая Вас Эльза Розенберг.

Огромно творческое наследие Аспазии и Райниса, богатые архивы, содержащие письма, дневники, воспоминания, черновики, краткие записки.

Впечатляюще наше знакомство с обильным материалом из переписки, дневников и воспоминаний Аспазии и Райниса, по которому Саулцерите Виесе и Юлий Бебриш создали пьесу-диалог. На этот раз перед нами — не просто интересная архивная находка, хотя многое публикуется впервые. Форма диалога позволяет нам глубже проникнуть в смысл каждой фразы и реплики, наше восприятие становится объемным: каждое письмо — уже не голос в пустыне, ему медленно отвечает другой голос, живой, страстный.

Аспазия... Дочь латышского крестьянина Эльза Розенберг в 1887 году выбирает своим

псевдонимом имя мудрой подруги Перинла, когда публикует первые свои стихи и пишет пьесу «Мстительница». Пьесе, однако, царская цензура запрещает ставить: восемнадцатилетняя писательница слишком резко выражает протест против веновых угнетателей своего народа — балтийских баронов. Широкую популярность принесла Аспазии пьеса «Жрица», поставленная в 1894 году, затем следуют «Потерянные права» и другие пьесы, вызвавшие пылкую полемику о равноправии женщин. Полемика сближает Аспазию с прогрессивным общественным движением 90-х годов, сгруппировавшимся вокруг газеты «Диенас лапа» («Ежедневный листок»). Газета, которую редактирует адвокат Ян Плиекшан, все более последовательно обращается к марксистским идеям. Аспазия становится публицистом и оратором. В 1897 году выходит сборник ее стихов «Красные цветы»...

Произведения Аспазии — страстные, отличающиеся виртуозной формой, подняли латышскую поэзию и драматургию на новую ступень. Что если бы на этом оборвался путь писательницы? Разумеется, не было бы у нас «Серебряного покрывала», лирических сборников, которые можно причислить к вершинам латышской лирики. Но не было бы и «черт узного индивидуализма» и «непоследовательности», которые проявились у Аспазии на слоне лет, на занате, в нескольких давних стихах...

В 1897 году царское самодержавие расправляется с прогрессивным движением в Латвии. Эльза Розенберг становится Эльзой Плиекшан и отправляется вслед за мужем в ссылку. Проходят годы, мучительные, трудные. Адвокат Плиекшан — теперь уже поэт Ян Райнис. Ему отданы неуслышанное внимание и тревоги Аспазии. Ее жизнь проходит между Ригой и Слободским —

местом новой ссылки Райниса. Здесь великий поэт создает стихи глубочайшего революционного звучания, полные веры в грядущую победу пролетариата. Здесь он ознакомился с первыми номерами ленинской «Искры»...

АСПАЗИЯ. С тех пор как мы разлучены, ты в Слободском, я в Риге, все пошло прахом. Долгие, без солнца и пыльные, проходят мои дни, и я живу только письмами... Во вторник поехала со всеми вещами на взморье. Но когда осталась одна и пошла к морю, такие сильные воспоминания о нашей жизни нахлынули, что я бросилась назад... Написал ли ты за это время стихи? Если есть, или немедленно.

РАЙНИС. Ты идеал не только цельного человека, но и цельного истинного поэта. Ты в творческом состоянии ежеминутно, а я только после долгих, долгих перерывов могу... скрыть пестрое лоскутное одеяло, которое заслуживает похвалы лишь благодаря своим безупречным швам, подобно моим стихам и переводам, к которым не подступиться потому только, что орфография в них сильна. Ты же в любое мгновение можешь мыслить стихами. Вся твоя жизнь, все твоё существо — поэзия.

Я листаю дальше.
АСПАЗИЯ. Вчера я в клубе «Аусеклис» читала твои «Размышления в новогоднюю ночь» и «Песню о Соколе» Горького. Прочти в «Диенас лапа», что о тебе вчера там говорили. Тебя называют пер-

вым поэтом... Успех был огромным...

РАЙНИС. Я многого жду от твоего дара декламатора, читаешь ты так великолепно, что самые незначительные вещи действуют на воображение. Тебе пора выступить со второй книгой стихов... Ничего самого время...

Свою пьесу я закончил и теперь буду трудиться только для заработка. Как только ты приедешь, придется тебе много есть и побольше фантазировать, а к практическим делам не позволю тебе и пальцем коснуться.

АСПАЗИЯ. Ты хочешь меня утешить тем, что отныне решил и не думать о своем творчестве? Это меня окончательно выбило из колеи. Теперь, когда ты вырвался из неволи, ты не хочешь больше писать свои собственные вещи! Все ждуть их от тебя в нетерпении, говорят, да и я советовала тебе отдохнуть, накопить сил — и ты теперь говоришь, что смова возьмешься за переводы? Я лую на твои переводы и, не читая, выброшу на помойку, этого ты добьешься.

Листаем дальше. В годы когда Райнис находился в ссылке, поэты, случайно, писали друг другу ежедневно. Писем, датированных 1903—1905 годами, нет — оба на родине, вместе. Райнис создает знаменитую драму «Огонь и ночь», а в октябре 1905 года выходит его «Посев бури» — мужественный боевой сборник стихов. В бурные дни революции 1905 года Аспазия неизменно рядом с Райнисом. Позднее вместе с ним она целых 15 лет разделяет участь политического эмигранта — тя-

гостные, тяжелые годы эмиграции. И вплоть до самой смерти Райниса в 1929 году жизни обоих поэтов связаны неразрывно.

АСПАЗИЯ. Политическими эмигрантами, продвигшие и потрясенные, приехали мы в Швейцарию. Это было 26 января 1906 года.

РАЙНИС. Мне еще по-прежнему жутко, когда отдыхаю после обеда, кажется, будто в соседней комнате кто-то тихо плачет. Это просто ветер, да в открытое окно доносится шелест листьев, но я не могу унять тревоги... Я весь целиком живу родиной, ее горем и борьбой.

АСПАЗИЯ. Я целыми вечерами просиживаю в темноте, так мне легче...

...Природа способна механически давать жизнь, солнце может повелевать растению зазеленеть и расцвести, а сердце мое, наполненное любовью, не в силах ничего ни создать, ни створить. Так я не смогла отворотить смерть матери... Да и тебе при всей любви своей я не смогла ни счастья принести, ни силы дать, ни оградить от всего грубого и отвратительного.

РАЙНИС. Я своей тревогой мучаю тебя всю жизнь, беспрестанно гоню дальше вперед, не давая дух перевести. В тебе нет этой проклятой потребности в спешке, ты не можешь следовать за мной с той стремительностью, какая мне необходима, и когда ты, наконец, приходишь туда, куда я тебя тащу, — оказывается, что для меня это поздно. Так продолжа-

лось все время, но этого быть не должно... Ты напрасно упрекаешь себя в том, что не дала мне счастья и силы. Ты мне их дала. Только внешне на мне это незаметно.

АСПАЗИЯ. Какую радость доставило мне твое сегодняшнее письмо. Ты мне опять помогаешь жить. Ты вычерпал из сердца моего всю горечь... Ничего, я справляюсь со всем.

Наступает зима 1919 года.

РАЙНИС. У греков, Шекспира, даже Шиллера герои гибли из-за роковых страстей и по собственной вине. У меня же они берут на себя вину, из-за которой гибнут, — добровольно, ясно сознавая причину гибели, гибнут ради общего блага, жертвуя собой.

АСПАЗИЯ. Мне кажется, что трагическое чувство, которое одновременно наполняет нас скорбью и одухотворяет, можно объяснить так: жаль, что силы героев еще невелики, и как ни прекрасна была их борьба против крепостной стены власти, стоявшей веками, они разбились все об эту стену... А душевный подъем наш от того, что мы предчувствуем — стена пошатнулась, и не гармония сейчас радует нас, а нарушение ее.

РАЙНИС. Ибо мир несовершенен, и людей (каковы они сейчас) нужно переделывать, заставляя преобразовывать себя и не успокаиваться, пока — это равнодушие.

В 1920 году Аспазия и Райнис возвращаются домой... РАЙНИС. Вернувшись на

родину, я еще хожу, будто во сне... Все годы в Кастаньоле были лишь подготовкой, теперь я должен настроиться на большую работу... Родина для меня — выход в огромный мир.

АСПАЗИЯ. В эти долгие годы разлуки нас соединял а родной лишь призрачный мост искусства. За это время многие дорожки нам сердца перестали биться. Невзгоды и горести прошли над нашей землей и нашим народом, от них пострадали и мы. Теперь, вернувшись на родину, мы чувствуем прилив сил.

Но проходит лишь несколько лет, и...

РАЙНИС. Снова карикатура на нас в «Весакх», там мы сгорбленные и хромые, все это — их озлобление из-за того, что мы не таковы.

АСПАЗИЯ. Милый друг мой! Будем в обществе, куда есть возможность, долго ли это продлится. Если фашисты придут к власти, они не позволят нам спокойно жить и работать, а так хотелось бы работать без помех, у меня столько задумано, вся душа полна семенами, как подсолнух.

В письмах и дневниках мы видим Райниса и Аспазию дома, вдвоем, и какие же они... великие. Большая личность, видимо, незаурядна во всем и всегда — и дома, и в буднях, и в мелочах. Быть вместе с этими людьми — бесконечное наслаждение. Перед нами новое произведение Аспазии и Райниса, которое они всю жизнь писали вдвоем.

Гунар ПРИЕДВ